

Вообще такие памятки обычно выдавали перед зимними и летними каникулами или когда на территории района происходил похожий несчастный случай — чтобы напомнить родителям и детям о мерах предосторожности.

Но сколько бы памяток ни раздавали, каждый год всё равно находились дети, которые тонули из-за собственной беспечности или недосмотра родителей.

Ци Гу сложил розовый листок, вложил в учебник и решил показать учителю, когда вернётся в Фуай.

По дороге домой восьмилетний Ци Гу, как обычно, поглядывал вдоль маленькой грунтовой тропы в гору, высматривая что-нибудь съедобное, что можно принести с собой. Учитель совершенно не умел зарабатывать, поэтому Ци Гу с детства взял на себя часть забот о хозяйстве и время от времени «охотился» на дикие фрукты, лесных кур и тому подобную добычу.

На полпути он встретил Ван Сянсю, которую давно не видел. Та словно стала худее. На загорелом, тёмно-жёлтом запястье виднелись несколько покрытых коркой ссадин. Увидев Ци Гу, она не улыбнулась мягко, как прежде. В глазах стояла пустота — серый туман будто вытеснил из них всякую жизнь.

Маленький Ци Гу ещё не владел физиогномикой так хорошо, как позднее, и не мог понять, что привело Ван Сянсю в такое состояние. Он подошёл к ней, посмотрел на дикое мандариновое дерево и сказал:

— Слева ещё один созрел.

Ван Сянсю молча перебралась к указанной ветке, сорвала мандарин и протянула ему.

Ци Гу многого не понимал, но смутно чувствовал, что с ней наверняка что-то произошло.

— Что с тобой?

— Ничего, ничего... — Ван Сянсю покачала головой.

И вдруг её затуманенные глаза снова вспыхнули светом, разгоняя серую дымку.

— Мне домой. Мне надо... Цзюаньцзюань дома меня ждёт. Она любит мандарины.

Ци Гу вспомнил маленькую девочку. Они были почти одного возраста, но ей не удалось ходить в школу. Тут он подумал о розовой памятке в рюкзаке.

— Нам в школе выдали памятку, как не утонуть. Скажи Цзюаньцзюань, чтобы не играла там, где есть вода.

— Хорошо, хорошо, — Ван Сянсю снова улыбнулась своей прежней мягкой улыбкой. — Спасибо, что напомнил.

Она поспешно ушла, будто не могла дожидаться, когда передаст предупреждение Цзюаньцзюань. Ци Гу уже привык: стоило речь зайти о дочери, Ван Сянсю начинала спешить, и все только что давившие на неё мрачные и тяжёлые мысли словно сразу отступали.

Прошло ещё несколько дней.

В школе Ци Гу слышал, как несколько одноклассников, собравшись вместе, тихо переговариваются. Они не любили брать Ци Гу в свои игры. Каждый раз, когда он подходил, дети понижали голос, а когда проходил мимо — снова начинали говорить нормально.

Это была естественная, почти бессознательная настороженность.

Но слух у Ци Гу был неплохой, поэтому даже шёпот он разобрал.

— Теперь понятно, почему несколько дней назад раздали памятки про утопления. Оказывается, у нас в деревне ребёнок пошёл играть и утонул. Говорят, раньше она даже училась в нашей школе, но у неё были проблемы с умственным развитием, так что её почти сразу забрали. Мать после этого не выдержала и теперь будто с ума сошла: то понимает, что дочь умерла, то снова считает, что та жива. Моя мама теперь вообще запрещает ходить мимо их дома. Боятся, что женщина окончательно свихнётся и утащит чужого ребёнка, приняв за своего.

Та же деревня, нарушения интеллекта — описание указывало слишком явно. Ци Гу сразу связал услышанное с Цзюаньцзюань и вспомнил, как несколько дней назад вела себя Ван Сянсю.

Обычно дорога домой не проходила мимо её дома, но в тот день Ци Гу изменил маршрут.

Сейчас эта история была главной темой маленькой деревни. Куда бы он ни шёл, повсюду слышались разговоры, и из них Ци Гу постепенно восстановил, что произошло.

Возле маленького одноэтажного дома Ван Сянсю проходила сточная канава, куда сливалась деревенская грязная вода. Глубина там была всего двадцать-тридцать сантиметров. В тот день Ван Сянсю отправилась собирать персиковую смолу и оставила Цзюаньцзюань играть дома одну. Вернувшись, она увидела, что девочка вниз головой застряла в канаве. В воде находилась только голова; кожа лица от долгого пребывания в сточной воде побелела и распухла.

Позднее судебно-медицинская экспертиза установила: Цзюаньцзюань, вероятно, споткнулась, при падении ударилась головой о камни по краям канавы и потеряла сознание. Тело застряло между краями, а в воду погрузилась только голова — так девочка и утонула.

Ци Гу увидел в канаве распухшую Цзюаньцзюань. Она широко раскрытыми чёрными глазами смотрела внутрь через полуоткрытую деревянную дверь и держалась обеими руками за край канавы.

Цзюаньцзюань погибла в воде и стала водяным призраком. Чтобы покинуть место смерти, такому призраку требовалось найти себе замену. Но нормальный человек вряд ли утонет в сточной канаве глубиной всего двадцать-тридцать сантиметров.

Поэтому каждый день девочка лежала в канаве и заглядывала в дом, наблюдая за Ван Сянсю.

Она была умственно отсталой, во многом неловкой и медлительной, но всё же понимала, кто относился к ней хорошо. И потому по-детски, по-глупому была привязана к Ван Сянсю: лежала в канаве и смотрела на мать.

— Старший братик, — позвала Цзюаньцзюань, когда Ци Гу с рюкзаком проходил мимо.

На самом деле Цзюаньцзюань должна была быть старше Ци Гу. Просто она всегда считала, что не растёт: сколько лет мать называла, столько лет ей и было в её представлении.

Ци Гу хотел сделать вид, что не видит её. По прошлому опыту он знал: стоит бездумно ответить призраку — и почти наверняка навлечёшь на себя неприятности.

Но Цзюаньцзюань протянула ему грязную молочную конфету «Белый кролик».

— Братик, я тебя конфетой угощу.

После смерти дочери Ван Сянсю на деньги от проданной персиковой смолы купила пакет этих конфет и бросила его в канаву, где утонула Цзюаньцзюань.

В тот день она и ушла собирать смолу ради того, чтобы купить дочери несколько сладостей.

Цзюаньцзюань она не взяла с собой, потому что девочкой было трудно управлять: та постоянно мешала работать и снижала скорость. Ван Сянсю хотела заработать побольше и купить больше конфет, которых дочь так просила.

Но в итоге Цзюаньцзюань не успела съесть ни одной.

Ци Гу было всего восемь лет, а дети легко размягчаются сердцем. Он взял конфету, присел рядом с Цзюаньцзюань и ответил:

— Угу.

— Братик, ты меня видишь? — изумилась Цзюаньцзюань.

Она уже много дней лежала в канаве, каждый день плакала и звала маму, но Ван Сянсю ни разу не ответила. Сначала Цзюаньцзюань решила, что рассердила мать. Но потом мама бросила ей целый пакет конфет «Белый кролик»... Девочка подумала, что мама больше не сердится, и радостно ждала, когда та придёт и обнимет её. А мама всё плакала и плакала.

Лишь спустя время Цзюаньцзюань поняла: её просто никто не видит.

Но ей всё равно казалось, что мама, наверное, может. Ведь после очередного приступа горя Ван Сянсю иногда возвращалась к обычной улыбке, входила в дом и говорила что-то вроде: «Цзюаньцзюань, мама вернулась».

А иногда вдруг белела лицом и плача кричала: «Цзюаньцзюань, где ты?»

Цзюаньцзюань думала: тот другой «Цзюаньцзюань», который теперь живёт у мамы, ужасно плохой ребёнок. Постоянно обижает маму, прячется и не даёт себя найти.

Она хотела прогнать этого плохого «Цзюаньцзюань» и рассказала Ци Гу о своём желании.

Но Ци Гу понимал: никакого плохого Цзюаньцзюань не существует. Есть лишь Ван Сянсю, которая потеряла любимую дочь и от горя лишилась рассудка.

Он вспомнил разговоры жителей деревни.

— И как такое сумасшествие лечить?

— Да никак, наверное. Разве что дочь вернётся — тогда, может, и поправится.

Эти слова натолкнули Ци Гу на мысль. Если дать Ван Сянсю снова увидеть дочь, её состояние, возможно, улучшится. А когда она придёт в себя, можно будет постепенно помочь ей принять правду... Это будет ложь во благо.

По крайней мере Ван Сянсю больше не придётся метаться в безумии. А Цзюаньцзюань всё равно не могла покинуть эту канаву и отправиться на перерождение. Когда Ван Сянсю примет смерть дочери, она всё равно сможет приходить к канаве и видеть её дух — достаточно будет

время от времени добывать коровьи слёзы.

Ци Гу решил, что это отличный способ помочь обеим сторонам.

Он смазал глаза Ван Сянсю коровьими слезами и сказал, что теперь она снова сможет видеть Цзюаньцзюань.

Но Цзюаньцзюань говорила на языке призраков, а Ван Сянсю — на человеческом, и языковой барьер оставался проблемой. Поэтому Ци Гу научил Ван Сянсю нескольким простым фразам на призрачном языке — этого хватало для общения матери с дочерью.

Постепенно состояние Ван Сянсю улучшилось. Ей казалось, что жизнь снова стала почти такой же, как прежде, только теперь дочь вынуждена жить в канаве.

Она инстинктивно избегала признания того, что Цзюаньцзюань умерла, и по-прежнему ходила по горам и к воде в поисках еды для дочери.

Если встречала Ци Гу, отдавала ему половину найденного в благодарность за помощь.

Раньше Ци Гу никогда не делал ничего подобного и всё ещё опасался, что может случиться беда. В книгах, которые он читал, постоянно говорилось, что пути людей и призраков должны расходиться.

Но сейчас мать и дочь выглядели вполне счастливыми. Может быть... книги просто ошибались?

Ци Гу часто заходил к Ван Сянсю, проверяя, всё ли в порядке. Постепенно он заметил, что злобная ци вокруг Цзюаньцзюань усиливается. Если так пойдёт и дальше, она вполне могла превратиться в злого духа.

Когда Ци Гу спросил Ван Сянсю, не случилось ли дома в последнее время чего-нибудь необычного, та лишь покачала головой и незаметным движением обхватила себя руками за плечи.

Взрослому Ци Гу хватило бы одного взгляда, чтобы понять: Ван Сянсю что-то скрывает.

Но Ци Гу был ребёнком и не понял.

Он начал рыться в древних книгах, ища способ рассеять злобную ци, а Ван Сянсю строго предупредил: нельзя допускать, чтобы Цзюаньцзюань испытывала сильные потрясения.

И лучше бы ещё тщательно очистить канаву — Ци Гу решил, что грязь может быть источником

её злобной ци.

Ван Сянсю послушалась. Не требуя никакой платы, она в одиночку прочистила сеть канав, расхोдившихся по всей деревне. А выше участка возле своего дома поставила тонкую рыболовную сетку, которая задерживала почти весь твёрдый мусор. Каждое утро Ван Сянсю собирала застрявшую грязь и относила в деревенскую мусорную яму.

В те дни кто-то хвалил её за трудолюбие, а кто-то говорил, что неизвестно, что на неё нашло.

Но Ван Сянсю не обращала внимания ни на чьи взгляды и занималась своим делом.

Потому что Ци Гу сказал: так Цзюаньцзюань будет меньше страдать.

*

Чтобы найти способ, Ци Гу несколько ночей подряд сидел над древними книгами до полуночи. На белых детских щеках быстро залегли тёмные круги, и он стал похож на маленькую панду.

Но усилия не пропали даром. Решение нашлось. В тот день Ци Гу с рюкзаком отправился к дому Ван Сянсю почти вприпрыжку — шаги были заметно легче обычного.

Однако встретили его залитая кровью земля и окончательно обезумевшая Цзюаньцзюань.

Ци Гу в ужасе застыл перед этой картиной, чувствуя, как всё внутри леденеет.

Цзюаньцзюань была покрыта кровью и грязной водой, мокрые волосы прилипали к лицу, глаза горели багровым. Острые призрачные зубы впивались в душу Ван Сянсю — девочка кусок за куском рвала и пожирала её.

А на земле, откуда и взялась вся эта кровь, лежал мужчина. Его тело было разорвано на части, душа полностью рассеяна. Части валялись повсюду, глаза остались широко раскрыты от ужаса. Судя по виду, перед смертью он пережил страшные мучения.

Ван Сянсю, напротив, теряла душу, но её тело лежало тихо и спокойно, словно перед смертью она не испытывала боли и сама приняла свою участь.

— Цзюаньцзюань, что ты сделала? — Ци Гу понял, что совершил ошибку.

— Я била папу... потому что он бил маму...

Все разрозненные детали мгновенно сложились вместе. Постоянные травмы Ван Сянсю,

стремительно накапливавшаяся в Цзюаньцзюань злобная ци — причиной всего был муж Ван Сянсю, домашний тиран.

Их брак устроили родители. В первые годы после свадьбы супруги тоже жили сладко и дружно. Но постепенно мужчину начали раздражать постоянные замечания Ван Сянсю. На самом деле речь шла о мелочах — она просила его не разбрасывать мусор, складывать постель и тому подобное. Пока жена была ему в новинку, он слушался во всём. Когда новизна прошла, ему стало казаться, что она слишком много говорит и надоедает. Наконец однажды он сорвался и жестоко избил её.

В ту же ночь Ван Сянсю с израненным лицом вернулась в родительский дом. Она была уверена, что родители, братья и сёстры поддержат её, защитят и добьются справедливости.

Но когда она постучала в дверь, за ней оказалось самое обычное лицо её мужа.

Ван Сянсю пришла в ужас. Все раны вдруг заболели ещё сильнее. Она закричала и бросилась назад, но муж быстро схватил её и затащил в дом её же родителей.

Она думала, что он снова будет бить, но мужчина извинился, сказал, что ошибся, и попросил вернуться домой.

Ван Сянсю поверила.

Потом случился второй раз. Третий.

Постепенно она поняла, что превратилась в посмешище. Когда она прибежала домой после первого избиения, родители ещё жалели её, плакали вместе с ней. Но чем чаще это повторялось, тем сильнее они раздражались. Все вокруг считали её мужа тихим, честным человеком — почему же он бьёт только тебя? Может, ты сама что-то делаешь не так?

По деревне поползли слухи, будто Ван Сянсю изменяет мужу. Иначе с чего бы ему так жестоко её бить? Да ещё и родня за неё не вступается.

Со временем Ван Сянсю усвоила правило «сор из избы не выносят». Прошлые истории постепенно забылись, а после рождения дочери с нарушениями интеллекта и вовсе уступили место новому предмету пересудов.

Она привыкла, что раз в несколько дней её избивают, и перестала искать причины. Просто опускала голову и терпела день за днём. Чем дольше терпела, тем робче становилась. Сначала ещё пыталась сопротивляться, потом перестала совсем.

В конце концов дошло до того, что, когда Ци Гу заметил в Цзюаньцзюань злобную ци и спросил, не происходит ли дома ничего необычного, Ван Сянсю даже не подумала, что

избиения мужа могут считаться чем-то необычным.

Что тут необычного? Для неё это уже давно стало таким же привычным, как еда и вода.

Поэтому она покачала головой и сказала Ци Гу, что дома всё нормально.

И Ци Гу ей поверил. А затем сделал неверный вывод.

Всё свернуло на неправильную дорогу. На первый взгляд — череда случайностей, а будто бы и неизбежный итог. Потому что даже если бы время вернулось назад, Ци Гу всё равно решил бы помочь Ван Сянсю, а сама Ван Сянсю всё так же не считала бы «насилие» чем-то «ненормальным».

Одна ложь во благо, сказанная Ци Гу из добрых намерений, привела к последствиям, которые уже невозможно было исправить.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949181>